

МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ ГЛИНКА,

1804 — 1854.

Письма М. И. Глинки къ В. Ф. Ширкову.

1840—1841.

«Русская Старина» представила на своихъ страницахъ много весьма важныхъ матеріаловъ для биографіи безсмертнаго творца національной русской оперы. Такимъ образомъ ею напечатаны: «Записки М. И. Глинки» («Рус. Стар.» 1870 г. томъ I-й; изд. первое стр. 380, 474, 562; изд. второе: стр. 313—389; томъ II-й стр. 56, 266, 372 и 419). «Послѣдніе годы жизни и кончина М. И. Глинки, воспоминанія его сестры, Л. И. Шестаковой» («Рус. Стар.» 1870 г. т. II, стр. 610). Воспоминанія Ф. М. Толстаго—по поводу «Записокъ Глинки». («Рус. Стар.» изд. 1871 г. т. III, стр. 421). «Первоначальный планъ оперы: «Русланъ и Людмила», подлинная рукопись Глинки, принадлежащая П. А. Степанову,» статья В. В. Стасова. («Рус. Стар.» изд. 1871 г. т. III, стр. 367) и «Воспоминанія о М. И. Глинкѣ». П. А. Степанова («Рус. Стар.» изд. 1871 г. т. IV, стр. 39).

Нынѣ мы предлагаемъ подлинныя письма М. И. Глинки къ одному изъ его друзей, почитателей и сотрудниковъ, Валерьяну Фёдоровичу Ширкову, съ приложеніемъ подлинныхъ-же, руки Глинки, программъ и замѣтокъ относительно либретто оперы «Русланъ и Людмила». Эти документы, для обзорѣнія художественной дѣятельности Глинки, положительно важнѣе всѣхъ писемъ Глинки, какія только появлялись до сихъ поръ въ печати. Въ этомъ отношеніи съ ними можетъ сравниться одно лишь его письмо къ Н. В. Кукольнику 1845 г., напечатанное въ газетѣ «Музыкальный Свѣтъ» (1870 г. № 2), отрывокъ изъ него см. въ «Рус. Стар.» 1870 г. т. II, стр. 633.

Сообщеніемъ этихъ матеріаловъ мы обязаны, при весьма обязательномъ посредствѣ М. А. Веневитинова, — сыну покойнаго Ширкова, В. В. Ширкову.

Полковникъ генеральнаго штаба Валерьянъ Фёдоровичъ Ширковъ (род. въ 1805 г.; ум. 11 марта 1856 г.), былъ помѣщикъ Харьковской губерніи, Волчанскаго уѣзда, села Хатвея—гдѣ онъ, по выходѣ изъ отставку, и провелъ нѣсколько лѣтъ—и куда писалъ Глинка.

Немножко поэтъ, Ширковъ охотно набрасывалъ стихи, но былъ настолько скромнень, что никогда ихъ не печаталъ; большой любитель литературы, науки и музыки, онъ занимался также живописью и весьма недурно рисовалъ акварели. Александра Григорьевна, рожд. Хитрово, о которой часто упоминаетъ

Глинка,—жена Ширкова, была хорошая музыкантша. Глинка, какъ читатель увидитъ, весьма уважалъ и цѣнилъ обоихъ супруговъ, съ которыми связанъ былъ искреннею дружбою.

Представляя настоящие документы, мы должны засвидѣтельствовать признательность М. А. Веневитинову и В. В. Ширкову,—за сообщеніе и В. В. Стасову—за обстановку ихъ необходимыми поясненіями и вообще за приготовленіе бумагъ къ печати *).

Ред.

Въ «Русской Старинѣ» 1871 г. т. III, стр. 367—384, напечатана программа оперы «Русланъ и Людмила», написанная Глинкою въ записной его книгѣ, въ 1838 г. Мы старались, въ то время, показать важное значеніе этой программы, какъ въ томъ отношеніи, что она даетъ понятіе о стройности и законченности состава этой оперы въ первоначальномъ ея видѣ, а также и въ томъ, что многія подробности программы снимали съ Глинки обвиненіе въ безпечности и равнодушіи къ содержанію и складу его либретто.

Печатаемая въ настоящее время, полученная недавно, редакціею «Русской Старины» письма М. И. Глинки къ пріятелю и либреттисту его, Валерьяну Федоровичу Ширкову, представляютъ, въ этомъ отношеніи, еще болѣе важности. Та программа относилась къ 1838 году, т.-е. къ первому времени задуманія оперы. Письма-же къ Ширкову относятся къ 1840 и 1841 годамъ,—къ самой блестящей и зрѣлой эпохѣ дѣятельности Глинки, къ тому времени, когда созданы самыя гениальныя, самыя крупныя части его оперы, и именно о каждой изъ этихъ частей, о каждомъ изъ наиважнѣйшихъ нумеровъ оперы мы находимъ здѣсь самыя подробныя, самыя полныя указанія, совершенно опущенныя и забытыя въ автобіографіи Глинки.

Мы узнаемъ здѣсь, что если въ эти годы многія обстоятельства его жизни были очень тягостны для Глинки (ссора и разводъ съ женой; окончившаяся полнымъ разочарованіемъ, любовь къ г-жѣ Е. Е. К.—о чемъ мы находимъ лишь довольно неудовлетворительныя свидѣнія въ «Запискахъ» Глинки), то вмѣстѣ съ тѣмъ это время было во многихъ отношеніяхъ и лучшимъ временемъ его жизни. Въ одномъ изъ писемъ къ Ширкову (№ II), онъ говоритъ, что «никогда я столько не писалъ, и никогда еще не чувствовалъ подобнаго вдохновенія», а въ другомъ (№ XII), онъ повторяетъ, что «возвратившаяся муза услаждаетъ его жизнь благодѣтельнымъ трудомъ», и что «никогда онъ не цѣнилъ искусство болѣе какъ теперь».

И вотъ гдѣ разгадка той быстроты, съ которой у Глинки въ это время слѣдовали одинъ chef-d'œuvre за другимъ,—почти все лучшее, что было имъ создано въ жизни:

Настоящія письма пополняютъ болѣе всѣхъ другихъ, извѣстныхъ до настоящей минуты, документовъ—автобіографію Глинки, такъ что теперь, наконецъ, становится возможнымъ сказать съ полнѣйшею опредѣлительностью, когда именно сочиненъ каждый изъ №№ оперы «Русланъ и Людмила».

Въ то же время, разсмотрѣніе задачи каждаго дѣйствующаго лица и данной сцены является у Глинки, въ этихъ письмахъ и приложенныхъ къ нимъ многочи-

*) Считаемо не лишнимъ замѣтить, что въ бумагахъ сообщенныхъ г. Ширковымъ, кромѣ писемъ и программъ Глинки, есть черновые наброски стихотвореній и брѣвныя либретто «Русланъ и Людмила» — руки В. Θ. Ширкова; и то, и другое мы опустили, такъ какъ они частью вошли въ программы Глинки, частью онъ объ нихъ упоминаетъ въ письмахъ..

Ред.

сленныхъ программъ до того тщательнымъ, подробнымъ и внимательнымъ, съ указаніемъ повсюду метровъ для стиховъ, и даже всѣхъ подробностей постановки, что съ Глинки окончательно уже долженъ быть снятъ упрекъ, будто онъ думалъ только о музыкальной сторонѣ дѣла и предоставилъ все либретто разнымъ случайнымъ и разновременнымъ либреттистамъ. Утвержденію этого мнѣнія способствовалъ самъ Глинка, какъ тѣмъ, что въ 50-хъ годахъ, послѣ возвращенія изъ-за границы, самъ-же рассказывалъ всѣмъ знаемымъ, такъ и тѣмъ, что самъ-же написалъ въ автобіографическихъ «Запискахъ». Но печатаемые теперь несомнѣнные документы, письма и программы, писанные собственною рукою, во все время сочиненія оперы, доказываютъ самымъ неопровержимымъ образомъ совершенно противоположное: никогда еще никакой композиторъ болѣе Глинки не заботился о либретто и всѣхъ его подробностяхъ, начиная отъ самыхъ крупныхъ и кончая самыми мелкими, и никогда никакой композиторъ не предоставлялъ менѣе Глинки чего-бы то ни было произволу и вкусу своего либреттиста.

Поэтому, тѣмъ болѣе надо сожалѣть, что Глинка не остался при первыхъ своихъ намѣреніяхъ, и подчинившись, по мягкости характера, вліяніемъ окружавшихъ его тогда, довольно «странныхъ» людей, согласился во многомъ испортить и исказить содержаніе и либретто своей гениальной оперы.

В. В. Стасовъ.

1840.

I.

Программа третьяго акта *).

№ 1. Хоръ дѣвъ Пушкина.

№ 2. *Savatina* Гориславы.

№ 3. Хоръ дѣвъ (о немъ надобно потолковать).

№ 4. *Aria* Ратмира:

a) *Andante* — дѣшнво безпечно — пятистопный ямбъ въ 8 стиховъ и два для окончанія.

b) Речитативъ, выражающій необыкновенную тревогу чувствъ.

c) *Vivace* или *allegro* въ формѣ Рондо. Стихи весьма краткіе, дактилическіе, но перемѣшанные съ другими; содержаніе *Volupté*.

№ 5. Танцы (безъ словъ).

№ 6. Финаль. Квартетъ.

Содержаніе:

a) Горислава вбѣгая видитъ Ратмира, — ея восторгъ, удивленіе, когда видитъ равподушіе Ратмира, сцена между ней и Ратмиромъ. Когда

*) Оригиналъ этой программы писанъ не на почтовой, а на простой, довольно толстой бумагѣ большого формата и не былъ сложенъ въ формѣ конверта, изъ чего можно заключать, что былъ лично врученъ Глинкою Ширкову до отъѣзда этого послѣдняго въ Малороссію. .

В. С.

Ратмиръ готовъ снова узнать ее, дѣвы танцами и пѣніемъ снова навоятъ на него очарованіе. Горислава въ отчаяніи бросается къ входящему Руслану, но онъ, вмѣсто помощи, самъ ее преслѣдуетъ. Эту сцену надобно развить хорошенько, а потомъ, для приведенія всего въ порядокъ, долженъ явиться Финнъ, въ какомъ угодно видѣ. При его появленіи, замокъ и дѣвы исчезаютъ, и все кончается героическимъ финаломъ, прежде чего, или во время чего, Ратмиръ возвращается къ Гориславѣ, а Русланъ, рассказывая въ минутной измѣнѣ, горитъ нетерпѣніемъ ее загладить. Задняя кулиса представляетъ вдали замокъ Черномора — цѣль, куда всѣ должны стремиться. Стихи послѣдняго большою частью хоренческіе.

Письма къ Валеріану Федоровичу Ширкову.

II.

9 августа (1840. С.-Петербургъ).

Въ отвѣтъ на послѣднее письмо твое, безцѣнный другъ мой, посылаю эти немногія строки. Завтра ѣду въ деревню, судьба моя во многомъ измѣнилась, но я не сѣтую и не рошусь—Муза подкрѣпляетъ: никогда я столько не писалъ, и никогда еще не чувствовалъ подобнаго вдохновенія. Умоляю тебя пни 4-й актъ по присланной программѣ; по прибытіи въ деревню, сообщу полную и еще подробнѣйшую. Не гнѣвайся, если напомню о извѣстныхъ 1000 рублѣхъ: ты самъ упомянулъ о нихъ. Обстоятельства мои такъ гѣсны, что крайне обяжешь приготовивъ эту сумму, а куда выслать, сообщу изъ деревни.

Усерднѣйшій поклонъ Александрѣ Григорьевнѣ, малютку заочно цѣлую.

Будь счастливъ и здоровъ и помни искреннѣйше преданнаго друга
М. Глинку.

Адресъ мой: Смоленской губ., въ г. Ельню.

III.

Новоспасское, 22-го августа (1840 г.).

Вотъ уже 3 дня, какъ я нахожусь у матушки, безцѣнный Валерьянъ Федоровичъ, и представь себѣ, вмѣсто благотворнаго дѣйствія деревенскаго чистаго воздуха—въ столь короткое время нервы мои уже снова бѣсятся и не на шутку. Такова вся судьба моя—нигдѣ и ни въ чемъ отрады. Изъ послѣдняго письма ты долженъ былъ заключить, что всѣ мои планы разрушились—долгъ дружбы хотя вкратцѣ объяснить тебѣ это.

Тебѣ извѣстно, что требовалась значительная сумма для освобож-

денія...*) Не взирая на голодь, матушка выслала мнѣ эту сумму, но ея сердце высказалось въ письмѣ (противу ея воли, какъ изъ слога я могъ замѣтить) столь сильно, что ясно для меня стало, что ея согласіе на мои планы**) было вынужденное. Къ счастью, муза въ это время воспрянула отъ долговременнаго сна и подкрѣпила меня въ новомъ разочарованіи. Идеаль мой разрушился—свойства, коихъ я столь долгое время и подозрѣвать не могъ, высказались неоднократно и столь рѣзко, что я благодарю Провидѣніе за своевременное ихъ открытіе***).

Я рѣшился, пробывъ здѣсь нѣсколько недѣль, снова отправиться въ нашу столицу, но не для пагубныхъ наслажденій разврата, а съ твердымъ намѣреніемъ какъ можно скорѣе окончить нашего Руслана. Никогда обстоятельства не были благопріятнѣе—театръ весь къ мнѣ услугамъ, и я могу разучивать и пробовать написанное по желанію, или лучше съ увѣренностью вездѣ найти ревностное содѣйствіе. Петровы (оба) поютъ чрезвычайно хорошо.

Мое здоровье также не позволяетъ мнѣ избрать другаго мѣстопробыванія: пособія врача необходимы. Сверхъ того, теперь благоразуміе заставляеть меня удалиться на первое время Украины и Малороссіи.

Здѣшнія домашнія обстоятельства наши крайне плохи и поминать о путешествіи нѣтъ никакой возможности. Умоляю тебя, если можно, вышли извѣстные 1000 р. какъ можно скорѣе въ С.-Петербургъ, по слѣдующему адресу: „М. И. Глинкѣ въ Фонарный переулокъ въ домѣ Мерца, бывшій Шлотгауера, на квартирѣ Кукольниковъ“.

Грустно мнѣ, очень грустно подумать, что долго еще не увижусь съ тобою, милый другъ мой—но такова судьба моя, буду слѣдовать ея велѣніямъ. Благодарю Бога и за то, что возвратилъ мнѣ Музу-утѣшительницу—надѣюсь, что и ты не откажешь пользоваться вдохновительнымъ дѣйствіемъ благотворной твоей Украины и будешь содѣйствовать мнѣ какъ и прежде. Препровождаю при семъ программу и прошу тебя, займись прежде всего 5-мъ актомъ, въ особенности дуэтомъ и финаломъ. По моему расчету мнѣ еще осталось, для написанія сочиненнаго уже—работы на 2 мѣсяца; если къ тому времени пришлешь 5-й актъ, то дѣло закипитъ.

Будь здоровъ, счастливъ и помни преданнаго тебѣ душою

М. Глинку.

*) Въ «Запискахъ» своихъ Глинка говоритъ, что по случаю разстроеннаго здоровья г-жи Е. К., онъ упросилъ мать свою выслать ему 7000 р. для поѣздки этой дѣвицы на югъ Россіи.

В. С.

**) Предполагаемый бракъ съ Е. К. послѣ развода съ женой. В. С.

***) Смотри объ этомъ «Записки», изд. «Русской Старины» 1870 г. стр. 124.

В. С.

Александръ Григорьевнѣ мой усерднѣйшій поклонъ. Если она на меня гнѣвается, что не буду въ Хатнее—винясь, для умилоствленія въ самомъ непродолжительномъ времени пришлю Смоленскихъ конфектъ, кои уже заказаны.

Милую малютку заочно цѣлую.

IV.

Программа.

(Приложен. при № III).

Въ дополненіе къ написанному о 4-мъ актѣ прибавлю:

1. Что музыка еще на него, за исключеніемъ марша и танцевъ, не готова, слѣдственно для поэта *carte blanche*.

2. Финаль сего акта долженъ быть терцетъ между Русланомъ, Ратмиромъ и Гориславой съ сопровожденіемъ хора. Желалъ бы, чтобъ не только содержаніемъ словъ, но и метромъ, страсть Руслана (ревность) сильно отличалась отъ сладко утѣшительныхъ звуковъ Ратмира и Гориславы, и чтобъ весь номеръ былъ довольно пространенъ, чтобы дать возможность составить музыкальную пьесу финальной важности и объема. Если къ сему акту еще не приступлено, то прошу сперва заняться слѣдующимъ 5-мъ актомъ, состоящимъ изъ слѣдующихъ элементовъ:

1. Романсъ Ратмира: она мнѣ жизнь (готовъ).

2. Сонъ Руслана (безъ рѣчей).

3. Сцена Фарлафа съ Нанной: убіеніе Руслана и похищеніе спящей Людмилы (ясно, но кратко).

4. Дуеть Ратмира съ Гориславой.

5. Финаль.

№ 3-й, т.-е. сцена Фарлафа съ Нанной *) второстепеннаго достоинства, и такъ, о ней довольно!

Но весьма важенъ № 4-й—дуеть. Его элементы:

а) *Agitato* испугъ и отчаяніе при видѣ убійеннаго Руслана; каждый подобныя стихи по-очередно.

б) Призваніе Финна: *Adagio* вмѣстѣ, а иногда и разн. Для

с) *Allegro*, самъ ума не приложу. Надобно его выгадать, чтобы округлить пьесу. „Утончись (нужно ли являться Финну съ живой и мертвой водой, подумай).

№ 5-й Финаль (т.-е. финаль всей оперы—важное дѣло). Его элементы:

а) Пѣніе надъ Людмилой (метръ пришлю послѣ).

*) Въ оригиналѣ описка: сказано съ «Гориславой».

- b) Сцена Свѣтозара съ Фарлафомъ (carte blanche).
 c) Прибытіе Руслана.
 d) Пробужденіе Людмилы (краткіе стихи): ей аккомпанируютъ дѣйствующія лица безъ хора.
 e) Торжественный хоръ: характеръ его—сила и блескъ, метръ краткій. Желаніе:

Здравія f—хоръ,

Счастія р—дѣйствующія лица.

Могущества f.

Блаженства любви р—дѣйствующія лица.

Кончи чѣмъ хочешь, но какъ можно торжественнѣе и громогласнѣе.

Несмотря на необходимость этой программы, пиши по собственному вдохновенію и присылай. По первой навидкѣ сейчасъ можно будетъ сообразить, гдѣ и что потребуетъ переимѣнить.

NB. Не забудь сообщить о переимѣнахъ, внушенныхъ украинскимъ небомъ.

V.

С.-Петербургъ, 18-го декабря (1840).

Не гнѣвайся на меня, безцѣнный другъ мой, за мое долгое молчаніе—я виноватъ передъ тобою, но не столько, сколько ты вѣроятно думаешь, — вскорѣ по полученіи твоего письма я занемогъ нервною лихорадкою, отъ которой долго не могъ оправиться, а по выздоровленіи, чтобы отвѣчать на твое письмо, надлежало посовѣтываться съ Кукольникомъ, Карломъ Брюловымъ и Роллеромъ, — собрать сихъ господъ для совѣщанія было весьма не легко, наконецъ это удалось, и прилагаемыя при семъ замѣчанія на присланный тобою 4-й актъ, суть результатъ какъ сценическихъ, такъ и музыкальныхъ соображеній.

Я увѣренъ, что ты не прогнѣваешься за присланныя замѣчанія; они ни мало не опровергаютъ достоинства присланнаго тобою акта, напротивъ того, Кукольникъ (которому съ твоего разрѣшенія я показывалъ твой трудъ) чрезвычайно одобряетъ его, въ особенности сцену Руслана послѣ сраженія съ Черноморомъ. Въ моей же признательности ты вѣрно не сомнѣваешься, — твой трудъ для меня драгоцененъ, и какъ новое доказательство твоей дружбы, а вмѣстѣ и какъ средство къ продолженію начатаго труда.

Несмотря на твое дружеское содѣйствіе, однакожъ Русланъ мой весьма медленно подвигается. Вскорѣ по возвращеніи изъ деревни, я употребилъ 6 недѣль на увертюру и антракты къ трагедіи „Холмскій“. Мнѣ удалось написать ихъ по желанію, и я имѣю право считать ихъ

въ числѣ хорошихъ моихъ произведеній. Болѣзнь похитила потомъ цѣлый мѣсяцъ. Принявшись снова за трудъ, я успѣлъ только написать арію Руслана и хоръ цвѣтовъ (изъ вновь присланной тобою сцены Людмилы: „Не сѣтуй юная княжна etc.“).

Теперь опера снова останавливается по причинѣ заказныхъ работъ. Мнѣ должно изготвить, въ самомъ непродолжительномъ времени, выпускной хоръ (слова Ободовскаго) для дѣвицъ Екатерининскаго института, а потомъ, къ половинѣ генваря, музыку на Тарантеллу (слова Мятлева)—сверхъ того нѣсколько заказныхъ романсовъ.

Не требуй отъ меня подробнаго извѣщенія ни о прежнихъ, ни о теперешнихъ событіяхъ. О прежнемъ скажу: убѣжденіе, что согласіе матери моею было вынужденное, а также увѣренность, что счастье невозможно на столь непрочныхъ основаніяхъ, на каковыхъ я предполагалъ устроить его, руководствовали мною въ рѣшимости снова возвратиться въ столицу, добровольно отказавшись отъ самыхъ милыхъ надеждъ моего сердца. Теперь жизнь моя безцвѣтна, несмотря на ласки, угощенія, дружбу и разсѣянность столичной жизни,—одна Муза и трудъ доставляютъ истинное неподдѣльное наслажденіе. Поведеніе мое (тебѣ, какъ другу истинно меня любящему, считаю нѣкоторымъ образомъ обязаннымъ отчетомъ) не такъ хорошо, какъ бы ты желалъ, но и не такъ дурно, какъ ты воображаешь.

Милой Александрѣ Григорьевнѣ скажу, что для меня несказанно драгоценна ея память и вниманіе,—что сердце мое хранитъ всѣ самозабвѣннѣйшія подробности пріятныхъ минутъ, проведенныхъ съ вами,—что тѣ музыкальныя пьесы, которыя я слышалъ исполненными ею, какъ-то мазурки Chopin, наводятъ на меня невольную сладкую задумчивость,—однимъ словомъ, что въ разлукѣ съ вами, милые друзья мои, я часто мысленно переношусь въ милое, несмотря на страданія, прошедшее.

VI.

Программа 4-го акта оперы „Русланъ и Людмила“ *).

(Приложен. къ № V).

Не имѣя на здѣшнемъ театрѣ актрисы, которая бы въ состояніи была выполнить роль Людмилы по приложенной программѣ, необходимо сдѣлать въ сценѣ Людмилы слѣдующія перемѣны:

1. Сцену сна должно совершенно отмѣнить, а начать дѣйствіе словами Пушкина:

Вдали отъ милаго, въ неволѣ,
Зачѣмъ мнѣ жить на свѣтѣ болѣ.

*) Эта программа во многомъ отличается отъ нынѣшняго либретто IV-го акта.
В. С.

О ты, чья гибельная страсть
 Меня терзаетъ и лелѣетъ,
 Миѣ нестрашна злодѣя власть,
 Людмила умереть умѣетъ!

Съ сими словами княжна желаетъ броситься въ воду; нимфы ее останавливаютъ и поютъ:

Покорись судьбѣ вѣдѣнѣямъ,
 О, прекрасная княжна,
 Все здѣсь манитъ къ наслажденѣямъ,
 Жизнь здѣсь радостей полна.

Послѣ сего Людмила продолжаетъ тосковать; но желать бы другія слова, но тѣмъ же метромъ, т. е. 4-хъ стопнымъ ямбомъ:

— — — — —
 — — — — — etc.

стиховъ отъ 8 до 10.

Они должны выразить задумчивую грусть и кончиться молчаніемъ, которое прерветъ хоръ духовъ (передѣланный по совѣщанію Роллера съ Брюловымъ въ хоръ цвѣтовъ; каждый цвѣтокъ въ клумбахъ обратится въ нимфу характера цвѣтка, а хоръ будетъ пѣть за кулисами *). Я не могу хорошенько объяснить этого, скажу только, что Роллеръ весьма доволенъ сею мыслию Брюлова). Стихи твои остаются:

Не сѣтуй, милая княжна,
 Развесели твой взоръ унылый,
 И этотъ замокъ, и страна,
 И властелинъ тебѣ подвластенъ.

Не сѣтуй, младая княжна,
 Что помнить съ печалью былое?
 Ясное здѣсь солнце золотое,
 Тонкое здѣсь въ ночи луна;

Незримые дивы летая,
 Съ ревнивымъ вниманьемъ любви,
 Съ заботою, дѣва младая,
 Здѣсь дни охраняютъ твои.

(Горестъ Людмилы усиливается и она поетъ):

Ахъ ты доля долюшка etc.

(по окончаніи сего Adagio является столъ, покрытый яствами; золотыя и серебряныя деревья ведутъ курантъ, шевеля листками. Людмила сперва слушаетъ съ любопытствомъ, потомъ съ пренебреженіемъ поетъ, въ родѣ этихъ стиховъ Пушкина:

Не нужно миѣ твоихъ шатровъ,
 Ни скучныхъ пѣсень, ни пировъ,

*) Все это было буквально и очень изящно исполнено въ постановкѣ «Руслана и Людмила» 1842 и 1843 года.

Не стану ѣсть, не стану слушать,
Умру среди твоихъ садовъ.

Отъ презрѣнія Людмила переходитъ въ негодованіе, и для выраженія его нужно стиховъ 12 трехстопнаго хорea, или короткихъ дактилическихъ.

Людмила, изнуренная послѣднимъ взрывомъ страсти, ослабѣваетъ, и падаетъ на скамью или другое приличное мѣсто; надъ нею раскидывается шатеръ; и три дѣвы, обмахивая ее опахалами, поютъ въ родѣ:

— ◡ — мирный сонъ
— ◡ — сладкій сонъ etc.
— ◡ — ◡

Этакихъ 4 куплетца, смыслъ ихъ успокоиваніе и убаюкиваніе.

Маршъ Черномора.

Танцы.

Послѣ танцевъ, Черноморъ, пользуясь дѣтскимъ вниманіемъ Людмилы къ танцамъ, хочетъ обнять ее; она ударяетъ его и снимаетъ шапку.

2-я сцена Людмилы:

Обратясь къ зеркалу, Людмила примѣриваетъ шапку; перевернувъ ее извѣстнымъ образомъ, дѣлается невидимкою; торжество Людмилы; погоня за нею, выраженная хоромъ; два раза Людмила пропадаетъ, и два раза, по удаленіи хора, поетъ Rondo въ игриво-насмѣшливомъ родѣ. Эта новая сцена, кромѣ театральнаго эффекта, не помѣшаетъ большому объясненію характера Людмилы.

Слышенъ звукъ рога. Людмила отъ радости забываетъ перевернуть шапку, и дѣлается снова видимою. Черноморъ, спѣша на бой, погружаетъ ее въ волшебный сонъ.

Сраженіе.

Сцена Руслана превосходна, въ ней нечего передѣлывать, а только прошу придѣлать нѣсколько запасныхъ стиховъ въ мѣстѣ: „Людмила дай сердцу отвѣтъ“, до начала хора, дабы я могъ дать Руслану болѣе пѣнія.

1841.

VII.

18-го февраля (1841, С.-Петербургъ).

Сердись на меня, брани меня, но не переставай любить, безцѣнный другъ Валерьянъ Ѳедоровичъ. Вѣрь, что несмотря на столь долгое молчаніе, сердце мое не измѣнилось, и что никто здѣсь не можетъ замѣнить тебя,—напрасно печальное сердце мое ищетъ страд-

наго уголка для успокоенія, счастливое время умчалось, надежды рушились и дни тихаго и поэгического блаженства смѣнили безцвѣтными и бездушными хлопоты разсѣянной жизни. Я сталъ другимъ человекомъ, самъ не знаю что дѣлаю,—вездѣ скучно, вездѣ не отрадно, и нѣтъ уголка, чтобы отвести душу, облегчить сердце,—нѣтъ благосклонныхъ ко мнѣ въ домѣ Барбѣ, гдѣ сердце мое находило отрадное участіе дружбы. И въ будущемъ чего ожидать мнѣ,—я ѣду въ Парижъ, и вѣришь ли, болѣе по принужденію, нежели по собственному желанію. Несмотря на трудный годъ, деньги для путешествія нашлись, значить матушка желаетъ, чтобы я ѣхалъ, и она права; не будь это, ничто бы не удержало меня отъ поѣздки въ Малороссію; тамъ все, чѣмъ привыкло жить растерзанное сердце мое. Съ тобой, видишь, говорю откровенно, сердце мое не измѣнилось, но разсудокъ не увлекается по прежнему, и видитъ ясно всѣ затрудненія, всѣ несообразности прежняго плана—какъ быть,—одно осталось, предаться судьбѣ, ждать и надѣяться.

Да, еще надѣяться можно—требованіе матери моей не спѣшно. Она права, вотъ уже случилось важное дѣло, отецъ ея *) умеръ, а это, какъ знаешь, былъ самый лютый врагъ нашъ. Я увѣренъ, что по отъѣздѣ моемъ за границу, и жена что-нибудь затѣетъ—теперь она хотя здѣсь, но, кромѣ росписокъ за деньги ей отсылаемыя, объ ней не слышно. Съ другомъ же моимъ я въ постоянной перепискѣ, и доселѣ языкъ и сердце не измѣнились.

Заговорюсь о себѣ, я и забылъ поблагодарить тебя за присланные 500 руб. Еслибы ты зналъ, какъ этимъ меня успокоилъ. Каретникъ ждетъ, и не тревожитъ меня болѣе.

Препровождаю тебѣ программу 5-го акта и замѣчанія ко 2-му. Составленіе этой программы и было главною причиною молчанія. Нынѣшній карнавалъ былъ суматошнѣе всѣхъ прежнихъ, вѣроятно по причинѣ краткости. Какъ эта разсѣянность, такъ и тоска сердца отвлекали меня отъ оперы, и въ 5-мъ актѣ многое еще не объяснилось въ душѣ. Сдѣлай что можешь и сколько можешь; бѣдный Русланъ нашъ не токмо не кончится къ свадьбѣ Наслѣдника, но если обстоятельства не измѣнятся, то долго, долго еще надъ нимъ трудиться.

Я ѣду во второй половинѣ апрѣля съ сестрой, зятемъ и племянникомъ. Надѣюсь, что переписка будетъ продолжаться и тогда, когда буду за границею.

Доселѣ всего изъ оперы написано:

*) Т.-е. г-жи Е. К.

I дѣйствіе.

1. Интродукція.
2. Арія Людмилы.

II дѣйствіе.

3. Баллада Финна.
4. Арія Руслана.

III дѣйствіе.

5. Персидскій хоръ.
6. Каватина Гориславы.

IV дѣйствіе.

7. Отрывки изъ сцены Людмилы, именно: хоръ цвѣтовъ: „Не сѣтуй“, Andante: „Ахъ ты доля долюшка“.
8. Маршъ Черномора.

V дѣйствіе.

9. Романсъ Ратмира: „Она мнѣ жизнь“.

Заготовляется:

- а) Финаль 1-го дѣйствія.
- б) Сцена головы (2-го дѣйствія).
- в) Танцы (3-го дѣйствія).
- г) Сцена Людмилы и танцы (4-го дѣйствія).
- е) Финальный хоръ 5-го дѣйствія.

Неприступлено:

- | | |
|--|--------------------|
| 1. Къ сценѣ Фарлафа съ Наиной (2-го дѣйствія). | |
| 2. „ аріи Ратмира | } (3-го дѣйствія). |
| 3. „ финалу | |
| 4. „ сраженію и финалу (4-го дѣйствія). | |
| 5. „ сценѣ сна | } (5-го дѣйствія). |
| 6. „ сценѣ убіенія | |
| 7. „ дуэту | |
| 8. „ началу финала | |

Вотъ подробный отчетъ. Изъ него видно, что готово 9 номеровъ, заготовлено 5 и начато 8. Увертюра и антракты—послѣднее дѣло.

Вотъ уже мѣсяць, какъ не пишу; муза печальна и неповинуется. Принуждать ее нельзя, къ тому же непрерывныя репетиціи не допустили бы работать, еслибы и могъ. Но всегда къ концу зимы, отъ продолжительнаго холода нервы сильно страдаютъ.

Авось путешествіе оживитъ меня. Я увѣренъ, что въ Парижѣ я буду спокойнѣе, нежели въ этомъ омутѣ — Петербургѣ. Послѣднее время меня занимали репетиціи въ институтѣ—такъ живо напоми-

нашемъ мнѣ Смольный. Хоръ, написанный мною къ выпуску, удался и исполняется превосходно. Это вознаградило меня за Тарантеллу, искаженную дурнымъ исполненіемъ на Александринскомъ театрѣ. Надняхъ концертъ Габербира, будутъ исполнены: увертюра и антракты Холмскаго, а на будущей недѣлѣ поютъ Andante: „Ахъ ты доля долюшка“ *). Во всемъ дамъ подробный отчетъ въ слѣдующемъ письмѣ, а теперь спѣшу.

Не знаю, какими словами благодарить Александру Григорьевну за ея милыя и ласковыя строки. Еслибы слова повиновались мнѣ какъ музыкальные звуки, мнѣ бы легко передать ей признательность души и чувство глубокой и постоянной дружбы. Здѣсь мнѣ жизнь теперь не представляетъ ничего утѣшительнаго, и я бы охотно промѣнялъ бездушныя разсѣянности столицы на тихую жизнь въ вашемъ прелестномъ Хатнее. Когда я играю мазурки Chopin, или другіе въ моемъ присутствіи исполняютъ тѣ пьесы, которыя играла въ моемъ присутствіи Александра Григорьевна, мое сердце такъ живо переносится въ прошедшее, что слыша звуки, душа моя видитъ васъ предъ собою. Не думаю, чтобы путешествіе продлилось долго, и надѣюсь, что небо не откажетъ мнѣ въ счастья снова пожить съ вами. Прощайте, добрые друзья мои, будьте счастливы и здоровы. Вашего ангела-малютку цѣлую и желаю, чтобы она цвѣла, не зная горестей и болѣзней.

Вашъ искренній другъ М. Глинка.

VIII.

Программа.

(Приложен. при № VII).

Я не могу дать тебѣ полной и обстоятельной программы 5-го акта нашего Руслана; многое еще не совершенно въ душѣ объяснилось, тѣмъ лучше для тебя. Если ты приблизительно такъ напишешь, какъ 4-й актъ, это будетъ превосходно.

5-е дѣйствіе должно заключать слѣдующіе номера:

- a) Романсъ Ратмира: „Она мнѣ жизнь“ (готовъ).
- b) „Сонъ Руслана“ (безъ словъ).
- c) Убіеніе Руслана. Фарлафъ и Нална (краткая второстепенная сцена речитативомъ).

d) Дуетъ Ратмира и Гориславы; его элементы: 1-е Agitato: ужасъ и горестъ при видѣ убитаго Руслана: попеременно каждый.

2-е Andante: Призваніе Финна (Invocation), въ родѣ молитвы: вмѣстѣ.

3-е. Вотъ важный пунктъ! Тебѣ, какъ поэту, должно рѣшить, какъ

*) Арія Людмилы изъ IV-го акта оперы.

развязать дѣйствіе: долженъ ли Финнъ воскресить Руслана на сценѣ? или успокоить просящихъ помощи обѣщаніемъ, что Русланъ оживетъ отъ мертвой и живой воды?—Какъ лучше, разсуди самъ. Музыкальное требованіе состоитъ въ томъ, чтобы движеніе послѣднее было скорое *allegro*, размѣръ короткій, хорейческій. Вся пьеса вообще должна быть довольно обширна, чтобы составить полный и опредѣлительный дуэтъ.

Наконецъ, послѣдній № 5-го акта и оперы:

Финаль, также доселѣ не совсѣмъ прояснился. Когда созрѣетъ, доставлю метры. На обратномъ пути изъ деревни въ Петербургъ, я сочинилъ послѣдній хоръ, но еще метры не подобраны. Кукольникъ взялъ на себя подкинуть для твоего соображенія (метра ради), кое-какіе стихи, кои ты замѣнишь своими—не въ продолжительномъ времени примемся за это. Я увѣренъ, что твое авторское самолюбіе за эту услугу Кукольника не оскорбится, а у него прошу не стиховъ, а метровъ въ словахъ.

Примѣчаніе ко 2-му дѣйствию.

1) Послѣ баллады Финна невозможно оставить дуэта Финна съ Русланомъ — не найдется тенора, который послѣ столь трудной и утомительной пьесы, былъ бы въ силахъ пропѣть дуэтъ приличнымъ образомъ — заставить пѣть болѣе Руслана, повредить эффекту его арія на полѣ битвы. Въ драматическомъ смыслѣ, этотъ дуэтъ лишний, ибо ревность Руслана встаетъ высказывается въ концѣ 4-го акта. Выѣсто этого дуэта, изъ него я заимствую нѣсколько стиховъ для объясненія, кои поставлю предъ речитативомъ баллады.

2) Между балладою и сценою Руслана на полѣ битвы, должна быть сцена Нанны съ Фарлафомъ. Нанна роль ничтожная, ей нѣсколько стиховъ речитатива; Фарлафъ же можетъ пропѣть ариетку скороговоркой (буффо). Содержаніе и всю сцену вообще предоставляю тебѣ; что можешь хорошо сдѣлать, за то ручается финаль 4-го дѣйствія.

3) Окончивъ арію Руслана: „Дай Перунъ булатный мечъ мнѣ по руцѣ“, я приступилъ къ сценѣ съ Головою, но встрѣтилъ непредвидимое затрудненіе, а именно: продолжительный разговоръ между героемъ нашей драмы и Головою, въ музыкальномъ смыслѣ не представляетъ возможности удовлетворить требованіямъ искусства. Арія Руслана кончается чрезвычайно сильно. Разсказъ Головы долженъ поразить фантастическимъ эффектомъ. Эта арія и разсказъ суть 2 главные пункта акта, разговоръ же съ Головою, не заключающій новыхъ музыкальныхъ началъ, или долженъ быть слабѣе (что естественно), или сильнѣе. Если слабѣе, будетъ вяло, или, что хуже,

смѣшно; если сильнѣе, повредитъ какъ арию, такъ и разсказу. По соображеніи, я рѣшился, послѣ словъ Головы: „Прочь, я развѣю пришельца, какъ прахъ“, заставить оркестръ играть бурю, и когда во время оной Русланъ, подошедъ къ головѣ, поразитъ ее мечемъ, она простонетъ: „Погибъ я“. Русланъ короткимъ речитативомъ выразитъ: недоумѣніе или лучше изумленіе. Это будетъ хорошо не токмо въ музыкальномъ, но и въ драматическомъ смыслѣ. Русланъ до разсказа еще не знаетъ, что этотъ мечъ тотъ самый, которымъ онъ можетъ поразить Черномора.

IX.

29-го марта, 1841 г. (С.-Петербургъ).

Твое долгое молчаніе крайне безповоило меня и всѣхъ любящихъ тебя, Пушкина, Искрицкаго и Галямина, у котораго недавно былъ по случаю его рожденія. У Галямина мнѣ было грустно безъ тебя—все прежнее милое сердцу такъ сильно отозвалось въ печальной и одинокой душѣ моей. Мои чувства неизмѣнились, но печальный опытъ и холодный умъ убили надежды—самъ вижу теперь несообразность моихъ намѣреній: мы слишкомъ связаны обстоятельствами—въ особенности она—у нея родныхъ безъ конца. Мнѣ крайне грустно и не съ кѣмъ раздѣлить горя—пріятелей много, но они склоннѣе издѣваться надъ моими страданіями, нежели понимать или утѣшать меня—ты одинъ вполне постигалъ меня; но тебя нѣтъ здѣсь, и огромная наша столица теперь пустынна для меня, какъ безпредѣльная украинская степь.

Ты правъ: я ѣду нехотя и не почти, а рѣшительно насильно. Все употребилъ, отъ меня зависящее, чтобы вмѣсто Париза посѣтить Малороссію; но родня ея и желаніе моей матери (добрый, но, можетъ быть, слишкомъ осторожной) разрушили мои надежды. Я долженъ ѣхать—долженъ жертвовать собою для моей добрѣйшей матушки, а можетъ быть и для ея собственнаго счастья.

Повинуюсь безропотно моей печальной судьбѣ, не предаюсь безумному отчаянію, но сердце болитъ и дай-то Богъ, чтобы этотъ душевный недугъ измѣнился путешествіемъ и чтобы муза моя снова воскресла. Надежда свиданія подарила меня еще недавно новинкѣ и, могу сказать, счастливымъ вдохновеніемъ, я написалъ финаль IV-го акта (сцену ревности);—пѣніе Руслана весьма просто, но выразительно—пѣса оканчивается маршемъ (подъ который поютъ всѣ дѣйствующія лица). Кукольникъ въ восторгѣ отъ этого нумера, и считаетъ его однимъ изъ лучшихъ оперы. Въ этой сценѣ твои слова остались безъ перемѣны, только съ выпускомъ нѣсколькихъ стиховъ, безъ утраты смысла.

Послѣ того принялся за сцену „Головы“ и написалъ половину ея, но разныя хлопоты и дурныя вѣсти отъ друга остановили порывъ моеѣ музы; мнѣ вѣрно не писать болѣе до Парижа. Да и какъ писать — гадко выглянуть въ окошко: сыро, грязно и сыро. Сверхъ того немало пострадали уши тѣмъ самымъ великимъ постомъ. Играли мои антракты Холмскаго — и такъ терзали моихъ бѣдныхъ чадъ, что я, несмотря на мое долготерпѣніе, не могъ удержать своего негодованія. Единственное торжество, какъ автору, доставилъ мнѣ Екатерининскій институтъ, гдѣ пѣли выпускной хоръ, мною написанный по просьбѣ начальницы; я получилъ за него отъ императрицы въ подарокъ перстень.

Твое предположеніе переселиться въ столицу радуетъ меня; ты властенъ здѣсь окружить себя людьми, которые тебѣ по сердцу, а это важно. По возвращеніи (я бы желалъ провести годъ въ Парижѣ), я буду также долгое время въ Петербургѣ, чтобы ставить оперу; ма-тушка также намѣрена пріѣхать — заживемъ попрежнему, тихо, но дружно и весело. Не кончивъ оперы, не хочу возвращаться, и потому прошу убѣдительно выслать мнѣ слова недостающія, въ Парижъ. Вѣрь мнѣ, милый другъ мой, что я вполне цѣню трудъ твой и безкорыстное твое содѣйствіе, и постараюсь, чтобы кромѣ тебя никто мнѣ не помогалъ въ предпринятой нами оперѣ.

Адресъ мой, подробную программу и всѣ нужныя свѣдѣнія сообщу при отъѣздѣ—все какъ-то не вѣрится, что долженъ покинуть Россію и ѣхать такъ далеко—Богъ знаетъ зачѣмъ.

Касательно должной суммы спѣшу успокоить тебя—я не въ нуждѣ и передъ отъѣздомъ самъ расплачусь съ каретникомъ. Еще повторяю, что люблю тебя искренно, безъ всякихъ видовъ, и если ты не успѣешь выслать деньги до моего отъѣзда, крайне обяжешь, переславъ ихъ въ видѣ векселя отъ банкира въ Парижъ. Это тебѣ удобно сдѣлать чрезъ кого-либо изъ твоихъ петербургскихъ друзей.

Я слишкомъ мѣсяцъ живу у Степановыхъ въ извѣстной тебѣ фантастической комнатѣ*). Эти чудовища, скелеты и мертвыя головы гармонируютъ съ теперешнимъ состояніемъ души моеѣ. Альбомъ мой обогатился множествомъ новыхъ портретовъ en caricature—одна другою лучше. На твои рисунки равнодушно смотрѣть не могу. Если будешь въ расположеніи, нарисуй твое и Александры Григорьевны изображеніе, да и ангела-малютку помѣсти, и тутъ же хатку, груш-

*) См. «Записки М. И. Глинки». изд. «Русской Старины» 1870 г., стр. 127. Также смотри «Воспоминанія о М. И. Глинкѣ» П. А. Степанова въ «Русской Старинѣ» изд. 1871 г., т. IV, стр. 48—52.

бу, греблю съ вами, это меня душевно порадуетъ — Малороссія обѣтованная земля моего сердца.

Спѣшу поздравить васъ, добрые друзья мои, съ наступающимъ праздникомъ Пасхи; дай Богъ, чтобъ вы были вполне счастливы, и чтобы милое семейство ваше скоро и счастливо было оживлено новымъ ангеломъ-малюткою. Когда-то доведется мнѣ, одинокому и бездомному горемыкѣ, забывать себя въ вашей дружеской бесѣдѣ, играя съ вашими малютками.

Ваши строки, милая и добрѣйшая Александра Григорьевна, мнѣ драгоценны. Я не умѣю высказывать чувствъ моихъ такъ пѣжно и ловко, какъ умѣете вы, существа созданныя для отрады въ жизни, но вѣрьте, что самонамалѣйшія подробности пріятныхъ минутъ врѣзались глубоко въ мое сердце. Вы увезли, можно сказать, мое счастье. Вскорѣ послѣ вашего отъѣзда все для меня перемѣнилось. Переѣзжайте въ столицу— снова будемъ вмѣстѣ, будемъ играть Chopin и пожалуй даже и Тальберга. Вспомня о прежнемъ времени, мнѣ стало легче—при васъ, нѣтъ сомнѣнія, мое положеніе было бы несравненно отраднѣе. Прощайте, добрые друзья мои, поцѣлуйте будущую красавицу и виртуозку, и вѣрьте, что я навѣки вашъ искренній другъ М. Глинка.

На оборотѣ письма: «Его Высокоблагородію Валерьяну Ѳедоровичу Шпркову. Харьковской губерніи, въ городъ Волчанскъ, село Хатнее. Почтовый штемпель: «С.-Петербургъ, 9 апрѣля 1841 г.»

Х.

Новоспаское, 24 мая 1841 года.

Ты вѣрно воображаешь, что я уже въ Парижѣ, и не мало удивленъ будешь, получивъ это письмо изъ моей смоленской деревни, милый другъ Валерьянъ Ѳедоровичъ. Твое удивленіе увеличится еще болѣе, когда узнаешь, что я пріѣхалъ сюда на 5 дней, и завтра же спѣшу снова въ Петербургъ, чтобы хлопотать о разводѣ съ женою, и теперь, по обстоятельствамъ дѣла, мнѣ столько же трудно проиграть дѣло, какъ прежде было трудно выиграть его.

За нѣсколько недѣль до предполагаемаго отправленія за границу, разнесся въ Петербургѣ слухъ, что Мар. Пет. вышла замужъ. Эти слухи впоследствии не только оправдались, но въ синодѣ и по полиціи идетъ о томъ дѣло, и не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, что дѣйствительно 15 марта, т.-е., великимъ постомъ моя благовѣрная супруга вѣнчалась съ корнетомъ конногвардейскимъ Васильчиковымъ, племянникомъ князя Иллариона Васильевича. Несмотря на знатность и богатство, этого дѣла замять не могутъ, какъ по гласности его, такъ и потому, что было объ ономъ уже два донесенія императору. Я же

съ своей стороны имѣю, кромѣ извѣстныхъ правительству обстоятельствъ, еще сильнѣйшія письменныя доказательства, кои берегу какъ послѣднее сильное средство.

16 мая подано формальное прошеніе о разводѣ въ с.-петербургскую консисторію—оно написано въ самыхъ краткихъ и, можно сказать, скромныхъ выраженіяхъ, и въ оной глухо упомянуто о имѣющихся у меня доказательствахъ. Пользуясь сроками, опредѣленными закономъ для вызова отвѣтчицы, я поспѣшилъ къ матушкѣ, чтобы успокоить ее, объяснивъ ей дѣло, въ чемъ успѣлъ совершенно, и теперь спѣшу обратно, чтобы поспѣть въ Петербургъ до окончанія сроковъ, и приготовить поле битвы къ сраженію. По необыкновенно-счастливному стеченію обстоятельствъ, я лишилъ непріятеля возможности ретироваться, или получить какое-либо подкрѣпленіе еще до подачіи просьбы. Какъ это и чѣмъ? объясню послѣ при свиданіи. Довольно для тебя, что кромѣ выгоднаго для меня положенія дѣла въ синодѣ, оно также отчасти подпало влиянію полиціи, что Дубельтъ лично сказалъ, что жена моя замужемъ и что мнѣ нельзя отказать въ разводѣ. Но я это берегу на случай неожиданной неудачи; напротивъ употреблю все возможное, чтобы дѣло уладить такъ, чтобы, получая разводъ, отстраниться отъ уголовного и полицейскаго разбирательства, имѣющаго быть по случаю тайнаго и незаконнаго брака. Этимъ я надѣюсь успѣть скорѣе, потому что желающіе помочь Васильчикову поймутъ, что удовлетворивъ меня, имъ легче будетъ дѣйствовать въ его пользу.

Давно уже я не имѣлъ объ тебѣ извѣстія. Что причиною твоего молчанія—украинская лѣнь, или что другое? Успокой меня. Все ли у васъ благополучно? Оживилось ли ваше милое семейство появленіемъ новаго ангела-малютки? Здорова ли милая и добрая Александра Григорьевна? Не требую длинныхъ посланій, но нѣсколько успокоительныхъ строкъ я вправѣ отъ тебя требовать.

Со времени всѣхъ этихъ продѣлокъ, я забылъ про музыку, но если ты имѣешь время и расположеніе, заготовляй исподволь. Если Богу угодно будетъ меня успокоить, немедленно по окончаніи дѣла отправляюсь въ Малороссію, намѣренъ на время поселиться въ Кіевѣ, и не иначе уже явиться въ Петербургъ, какъ уже съ новой оперой, чтобы тѣмъ заградить уста недоброжелательству и злобѣ. Твой на вѣки

М. Глинка.

Вы можете представить себѣ, добрѣйшая и любезнѣйшая Александра Григорьевна, въ какихъ я теперь ажитаціяхъ, а потому и не прогнѣвайтесь, что пишу вамъ такъ мало. Сердце мое ожило, но мнѣ должно пройти чрезъ всѣ ужасы (отчасти вамъ извѣстны) про-

цедуръ. Надѣюсь на Бога и на добрыхъ людей; я мужалоюсь, но не могу не скорбѣть, что вашего Валерьяна Федоровича здѣсь нѣтъ; я былъ бы несравненно покойнѣе. Желаю вамъ всего лучшаго. Вану Аничку цѣлую. Вашъ М. Глинка.

Пиши ко мнѣ на квартиру Степанова, а именно: у Измайловскаго моста, въ домѣ Гарновскаго, на квартирѣ лейбъ-гвардіи егерскаго полка адъютанта Степанова *).

На оборотѣ: «Его Высочайшему Валерьяну Федоровичу Ширкову, Харьковской губерніи, городъ Волчанскъ». Почтовой штемпель: «Смоленскъ, 1841 г. мая 31.

XI.

22 іюля 1841 г. (С.-Петербургъ).

Я не сейчасъ отвѣчалъ тебѣ на твое первое письмо, любезный другъ, не отъ небреженія, а потому, что получилъ его во время недуга, продолжавшагося около 3-хъ недѣль. Теперь мнѣ лучше, и я слѣшу удовлетворить твоему любопытству по возможности.

Жена моя дѣйствительно вѣнчалась, и великимъ постомъ—Васильчиновъ и жена сознались въ томъ Дубельту, а жена и мнѣ самому при второмъ свиданіи (объ этомъ послѣ). Постъ вѣнчавшій, велѣдствіе многихъ пакостей, былъ на эпитемѣ, и за нѣсколько тысячъ рѣшился въ старымъ пакостямъ присоединить новую. Не знаю, что причиною вѣнчанія въ великомъ посту? Не штука ли это? Что вѣрно, это то, что имѣли въ виду милостивый манифестъ. Теперь обратимся къ дѣлу.

16 мая подавъ прошеніе о разводѣ, я навѣстилъ матушку, откуда и писалъ къ тебѣ. По возвращеніи моемъ, въ іюнѣ, около 20 числа, была явка въ консисторію. Сверхъ моего ожиданія, жена меня предупредила. Выслушавъ нѣсколько словъ въ родѣ увѣщанія (такъ слѣдуетъ по положенію), я объявилъ, что мое намѣреніе невольнѣно, но что я дѣйствую по обязанности, а не по чувству злости или мщенія, и въ присутствіи же попросилъ у жены прощенія за невольнѣно наносимыя ей огорченія. Ей прочли прошеніе, и потомъ выдали вошію съ онаго. Пока шли эти продѣлки, я вступилъ съ женою въ разговоръ, и найдя ее довольно разсудительною, рѣшился еще повидаться съ нею, что и исполнилъ чрезъ два дня. Это свиданіе было въ царскосельскомъ саду. Она мнѣ во всемъ призналась и главное—ея идея въ томъ, что не монастырь, а вѣчное безбрачіе ее ужасаетъ. Я старался склонить ее не затягивать дѣла, и, слѣдуя навѣтамъ злыхъ людей,

*) Обо всемъ эпизодѣ въ этомъ письмѣ упоминаемомъ, смотри характеристичныя подробности въ разсказѣ П. А. Степанова. («Рус. Стар.» 1871 г. т. IV стр. 52).

не запутывать себя еще болѣе; будетъ ли прокъ изъ моихъ словъ— сомнѣваюсь.

Съ тѣхъ поръ жена сказывается больною; я же подалъ прошеніе о допущеніи адвоката къ судоворотенію и о дозволеніи отлучаться. Вчера вышло разрѣшеніе, и на дняхъ я ѣду къ другу въ Малороссію, а оттуда въ Кіевъ для свиданія съ матушкой, которая ѣдетъ на богомолье. Не знаю, удастся ли завернуть къ тебѣ—срокъ такъ коротокъ. Что, если бы ты вздумалъ завернуть въ Кіевъ къ 20 августа.

Дѣло мое въ вѣрныхъ и опытныхъ рукахъ. Членъ управы благочинія, Александровъ, бывшій 18 лѣтъ петербургскимъ уѣзднымъ судьей (кажется достаточная рекомендація) взялъ мой процессъ въ свои руки. Мы съ нимъ прежде сего были уже въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ—вотъ уже годъ, какъ я учу пѣть его меньшую дочь. Адвокатъ же, нѣкто Степановъ, мелкій ему подчиненный чиновникъ, состоящій въ полномъ у него повиновеніи.

Нѣтъ сомнѣнія, что если бы ты былъ здѣсь, все бы пошло еще лучше, и самая жизнь была бы для меня отраднѣе. Повѣришь ли, безъ тебя не съ кѣмъ отводить душу.

Пиши мнѣ: Полтавской губерніи, въ гор. Лубны.

Прощай, Господь да хранитъ тебя и твое милое семейство. Письмо твое лично вручилъ Пушкину.

Не знаю, какъ благодарить васъ, Александра Григорьевна, за ваши дружескія строки. Онѣ вливаютъ отраду, а вмѣстѣ и грусть въ мое осиротѣлое сердце. Я такъ свыкся, можно сказать, сроднился съ вами, что не могу безъ глубокой горести вспомнить о счастливомъ времени, проведенномъ въ домѣ Барбе. Доживу когда-нибудь до подобнаго времени.

Муза моя совершенно умолкла. Но если Вал. Фед. имѣетъ иногда лишнее отъ заботъ время, попишите: не мѣшало бы мнѣ имѣть къ нимъ полное либретто. Кто знаетъ, можетъ быть неожиданно муза проснется.

Посылаю вамъ Valse-Fantaisie и фортепьянное Болеро—играйте, и вспоминайте обо мнѣ.

На дняхъ ѣду къ другу въ Малороссію, на самое короткое время. Буду близко отъ васъ, но увы, едва ли успѣю завернуть къ вамъ: 20 августа я долженъ быть въ Кіевѣ для свиданія съ матушкой. Не вздумается ли и вамъ пріѣхать туда, поклониться святымъ угодицамъ?

Прощайте, прощайте, милая Александра Григорьевна, вѣрьте, что

чувства мои не измѣнились и никогда не измѣнятся. Что будетъ со мною, не знаю. Судьба кажется улыбается—но не смѣю ей вѣриться.

Заочно цѣлую вашихъ малютокъ, Господь да хранитъ ихъ и васъ. Помните меня и пишите.

Искренно любящій и уважающій васъ

М. Глинка.

Менчуковъ, который, ты помнишь, брался противозаконно устроить мнѣ разводъ, кажется (по крайней мѣрѣ подозрѣваю) замѣшанъ въ дѣлѣ. Я же съ нимъ никакого сношенія не имѣю. До сихъ поръ одинаковъ, несмотря на подозрѣнія, объ немъ ничего не слышно. Васильчиковъ уже мѣсяцъ подѣ арестомъ.

На оборотѣ: «Его Высокоблагородію Валерьяну Ѳеодоровичу Ширкову, Харьковской губерніи, городъ Волчанскъ». Почтовой штемпель: «23 іюня 1841 г. С.-Петербургъ».

ХІІ.

7 ноября (1841, С.-Петербургъ).

Давно я не писалъ къ тебѣ, милый другъ Валерьянъ Ѳеодоровичъ. Поѣздка въ Малороссію не состоялась. Консисторія меня не отпустила, и я мало по-малу впалъ въ такую апатію, что и писать былъ не въ состояніи. Пріѣздъ сестры изъ Парижа, и въ особенности то, что она здѣсь поселилась, и въ одномъ домѣ со мною, нѣсколько утѣшило мое сердце, а вновь возвратившаяся Муза услаждаетъ жизнь благодѣтельнымъ трудомъ.

Никогда я не цѣнилъ искусства болѣе, какъ теперь, и хотя изнуренное долговременными страданіями сердце уже не вѣритъ въ земное счастье, но еще возможно существовать для искусства. Въ препровождаемой при семъ аріи 3-го дѣйствія найдешь подробный отчетъ моимъ занятіямъ, съ нужными свѣдѣніями для продолженія труда.

Дѣло мое въ консисторіи сомнительно, но идетъ помимо меня, и не отвлекаетъ отъ работы. Жена не является, и, кажется, суда по формѣ не будетъ, а ей пошлютъ члена консисторіи на домъ, для допроса. Признаніе Васильчикова прислано чрезъ гр. Протасова въ консисторію; кромѣ того два письма попа, который вѣнчалъ: первое содержитъ признаніе, а во второмъ онъ говоритъ, якобы я далъ ему 10 т., чтобы онъ согласился показать на жену. Изъ этого ты видишь, что дѣло запутано и неполно, пополнить же его нечѣмъ, имѣющіяся у меня доказательства слабы. Во всякомъ случаѣ дѣло долго не протянется, ибо военное начальство, содержащее Васильчикова подѣ арестомъ, требуетъ скорѣйшаго рѣшенія дѣла, и я полагаю, что въ концѣ зимы оно поступитъ въ синодъ. Признаюсь тебѣ, что я въ это время

столько намучился, что радъ, что теперь дѣло не требуетъ моего участія.

Съ той минуты, какъ я пересталъ жить непрочными мечтами на будущее, я совершенно измѣнилъ образъ жизни, и стараюсь наполнить каждый часъ настоящаго. Кромѣ оперы, я принялся за скрипку и карандашъ. Съ помощію хорошаго академика, я черчу недурно этюды въ ландшафтномъ родѣ. Весною хочется приняться за акварель.

Если оставшіеся у тебя рисунки и этюды деревъ цѣлы, сдѣлай одолженіе перешли ихъ съ первою почтою; въ особенности нуженъ мнѣ тотъ этюдъ, съ котораго ты рисовалъ дерево въ мой альбомъ. Не смѣю просить еще рисунка твоей работы — хатка съ грушкой меня бы порадовала.

Не въ продолжительномъ времени буду еще писать, теперь спѣшу.

Милой Александрѣ Григорьевнѣ мой дружескій поклонъ, и желаніе вамъ отъ души всего лучшаго въ мірѣ.

Вотъ мой адресъ: на большой мѣщанской, въ домѣ Шуппе, бывшемъ Варварина, № 24, М. И. Глинѣ.

XIII.

20-го декабря (1841 г., С.-Петербургъ).

Спѣшу изъяснить тебѣ глубочайшую признательность за присылку IV-го акта, добрый другъ мой. Твой трудъ мнѣ тѣмъ драгоцѣннѣе, что и твои душевныя страданія не были препятствіемъ исполнить мое желаніе. Слова сцены Людмилы передѣланы совершенно такъ, какъ того требовала моя музыка, и явились очень-очень кстати, ибо передъ присылкою ихъ я былъ нѣсколько дней уже безъ возможности продолжать писать. Сейчасъ же принялся за работу, и сцена Людмилы уже въ половинѣ (многое было заготовлено, какъ-то: Хоръ цвѣтовъ и Adagio „Ахъ ты доля долюшка“. Хоръ цвѣтовъ на слова: „Не сѣтуй милая княжна, развесели твой взоръ унылый“ etc. Слова Лиліи, Розы, Фіялки и Незабудки*) я не могу помѣстить, потому что не могу въ этомъ отношеніи ручаться за приличное исполненіе—лучшія танцовки должны быть употреблены въ танцахъ; равнымъ образомъ туалетъ Людмилы могъ бы произвести эффектъ только тогда, когда бы мы имѣли благообразныхъ примадоннъ, а мои Людмилы очень плохи.

Понимаю очень, что содѣйствіе Кукольника тебѣ непріятно, но своенравіе моей Музы при твоёмъ отдаленіи заставляетъ меня при-

*) По первоначальному проекту Ширкова, сохранившемуся въ черновомъ видѣ.

бѣгать къ нему, и мои извиненія весьма естественны. Впрочемъ все дѣлается согласно твоему разрѣшенію. Кукольникъ подвидываетъ слова наскоро, не обращая вниманія на красоту стиха, и все, что онъ доселѣ написалъ для Руслана, такъ неопратно, что непременно требуетъ передѣлки *). Прибавлю еще, что, какъ я ни цѣню дарованія Кукольника, но остаюсь при прежнемъ о немъ мнѣніи: онъ литераторъ, а не поэтъ, стихъ его вообще слишкомъ тяжелъ и не граціозенъ послѣ Пушкина, Батюшкова и другихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что метры нѣсколько затрудняютъ тебя, а пѣснн Баяна, арія Гориславы и другія мѣста твоего либретто речуются за талантъ твой.

Не спѣши передѣлкой, это еще успеется, а главное, пришли сцену Наины съ Фарлафомъ въ V-мъ дѣйствіи, т.-е. когда Наина склоняетъ Фарлафа убить Руслана. Театръ представляетъ шатры, и ландшафтъ, освѣщенный нѣжною луною. Все спитъ—палатка Руслана полуоткрыта, и онъ видимъ зрителямъ—Наина входитъ, вѣдя Фарлафа, склоняетъ его къ убіенію Руслана. Фарлафъ сначала колеблется; наконецъ рѣшается. (Наина въ это время исчезаетъ). Входя въ палатку, отъ предосторожности закрываетъ ее, и, вышедъ уже оттуда, объясняетъ публикѣ, что дѣло сдѣлано. Эта сцена речитативъ, должна быть кратка, но чрезвычайно ясна; зрители должны знать, что дѣйствуютъ именно Фарлафъ и Наина, и что цѣль ихъ убить соперника, и что все совершилось.

Слѣдующій дуэтъ Ратмира съ Фарлафомъ (вмѣсто Гориславы) заочно писать невозможно.

Подробную программу—финалъ V-го дѣйствія, съ помощію Кукольника написанный, пришлю въ непродолжительномъ времени. Теперь скажу только, что опера такъ близка къ концу, что надякъ я вынужденъ войти въ сношеніе съ директоромъ театровъ. Вотъ мои распоряженія по сему предмету.

Вотъ слишкомъ два года, какъ я коротко сошелся съ старшимъ сыномъ Гедеонова, состоящимъ въ должности театральнаго цензора, и имѣющимъ великое вліяніе на отца. Тебѣ извѣстно, что опера моя впередъ не подвигалась, и слѣдственно мои отношенія къ Гедеонову (сыну) были просто дружественныя, безъ всякихъ видовъ. По окончаніи финала V-го дѣйствія, осмотрѣвъ написанное, я удивился самъ количеству изготовленнаго и, чтобы заинтересовать директора, познакомилъ сына его съ главными мѣстами моего труда. Звуки мои нашли отголосокъ въ его душѣ, и онъ взялся все устроить по моему желанію. Между тѣмъ, по совѣту его, я изложилъ подробную про-

*). Текстъ Кукольника остался въ оперѣ безъ передѣлки.

грамму всей оперы, чтобы заблаговременно расположить директора въ мою пользу. По программѣ оказалось, что по множеству сценическихъ требованій, придется сдѣлать во многомъ уступки, и что, слѣдственно, необходимо по сему предмету совѣщаніе съ директоромъ прежде, нежели трудъ совершенно оконченъ, ибо нѣтъ никакого сомнѣнія, что будутъ измѣненія. Между тѣмъ, въ послѣднее мое свиданіе съ сыномъ директора, онъ взялся передѣлать мою программу для отца своего, сообразуясь съ его вкусомъ, и изготавилъ къ директору письмо такого содержанія, чтобы онъ съ восторгомъ принялъ трудъ мой (дѣло извѣстное, что искусство для Геденова-старика не существуетъ). Въ минуту откровенности, онъ (сынъ) изъявилъ желаніе, чтобы я посвятилъ ему трудъ мой; я натурально на это согласился, тѣмъ болѣе, что онъ на опытѣ доказалъ Кувольнику свое усердіе при постановкѣ его трагедіи „Князь Холмскій“. Слѣдственно, эта дипломатическая мѣра согласна съ чувствами, а сверхъ того Таліони на будущій годъ не будетъ, и вѣроятно мнѣ дадутъ все возможное.

Итакъ, подробную программу я приняю тебѣ послѣ сношенія съ директоромъ—финаль V-го дѣйствія придется передѣлать, ибо предвижу измѣненія въ послѣдней сценѣ.

О дѣлѣ моемъ скажу тебѣ, что и самъ я мало надѣюсь на успѣхъ: какъ кажется, консисторія подкуплена; бороться съ Васильчиковымъ, имѣющимъ 60/т. дохода, мнѣ невозможно, тѣмъ болѣе, что лица, коимъ я ввѣрилъ дѣло, безчеловѣчно меня обманули. Одна надежда на Войцеховича; дѣло переходитъ въ синодъ, если и тамъ проиграю, послѣднее прибѣжище—Дубельтъ; онъ такъ замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ, что для своей очистки долженъ будетъ дать мнѣ une séparation formelle, этому были уже примѣры.

Въ дѣйствительной жизни въ моемъ отечествѣ я встрѣчалъ одни горести и разочарованія; большая часть моихъ друзей оказались опаснѣйшими врагами, не говорю о печальной жепитьбѣ, но и съ Малороссіей у меня ссора чрезъ мать. Не требуй подробностей; я теперь спокоенъ, живу съ сестрою уединенно, навсегда отказался отъ коварныхъ товарищей разгульной жизни, не пью вина; опера, скрипка и карандашъ—вотъ мои товарищи; ожидаю матери чрезъ мѣсяць, проживу съ нею годъ; поставлю оперу, и потомъ на западъ, безъ цѣли, безъ предмета, кромѣ природы и искусства.

Не огорчайся за меня, другъ мой. Благодарю Провидѣніе за испытанія; въ сердцѣ моемъ нѣтъ злобы, и мое уединеніе для меня отрадно, я скуки не знаю.

Усерднѣйшій дружескій поклонъ доброй Александрѣ Григорьевнѣ.

Господь да утѣшитъ васъ и хранить васъ. Отъ всего сердца поздравляю съ новымъ годомъ и желаю всего лучшаго. Твой вѣрный другъ

М. Глинка.

XIV.

Программа 4-го дѣйствія оперы „Русланъ и Людмила“.

Театръ представляетъ замокъ Черномора.

1. Сцена Людмилы.

Начать речитативомъ и постараться помѣстить съ самаго начала нѣсколько стиховъ Пушкина. Людмила тоскуетъ и ищетъ смерти, бросится въ воду, не хочетъ кушать; наконецъ раздаются волшебные звуки арфы, она засыпаетъ; являются три дѣвы (trio), какъ у Пушкина, для прислуги.

Хотя эта сцена и весьма драматическая, но надобно выгадать *andante* и *allegro*, выставя весь милый характеръ Людмилы, и всей сценѣ дать блескъ волшебный.

- | | |
|--------------------|---------------|
| 2. Маршъ Черномора | } безъ словъ. |
| 3. Танцы | |
| 4. Сраженіе | |

5. Русланъ прибѣгаетъ побѣдителемъ и заставъ Людмилу въ волшебномъ снѣ, предаётся ревности. Этой сценѣ надобно дать важность финала. Въ ней главное лицо Русланъ, кромѣ его Ратмиръ, Горислава и хоры обитателей Черноморова замка.

Какъ ты видишь, всего 2 нумера, но они требуютъ большихъ соображеній. Пиши по произволу (*carte blanche*), передѣлать будетъ не трудно.

XV.

Программа для оперы „Русланъ и Людмила“.

Актъ четвертый.

(Садъ и замокъ Черномора. Людмила спитъ подъ великолѣпнымъ балдахиномъ; нѣсколько дѣвушекъ ее обрुжаютъ, инныя вѣютъ опахалами изъ перьевъ Жарь-птицы, другія тихо играютъ на гусяхъ-самогудахъ. При пробужденіи Людмилы онѣ поспѣшно скрываются).

Людмила.

Какъ тяжело спала я!...

Мой милый Русланъ!... (протираетъ глаза, осматривается вокругъ и съ ужасомъ вскакиваетъ съ ложа).

О, гдѣ я! (вбѣгаетъ въ садъ).

Все чуждо!... Гдѣ-жъ теремъ родимый?

Иль палъ мнѣ на очи недобрый туманъ. (Опять протираетъ глаза).

Не сплю ли я? (трогаетъ себя).

Нѣтъ! грѣзы промчались мимо. (Съ отчаяніемъ восклицаетъ):

Перунъ! О помилуй меня (плачетъ горько).

Вижу страшный мой удѣлъ!...

О! Супругъ мой милый,

Неужели ты не хотѣлъ

Защитить Людмилы? (Садится подъ окномъ деревенныхъ вѣтвей и плачетъ).

Ахъ ты доля

Долюшка

Доля моя

Горькая!

Рано мое

Солнышко

За ненастьемъ

Тучею,

За грозю

Скрылося!

Ахъ не даромъ

Въ теремѣ

Не клевала

Курочка

Съ моей вучки

Зернышка,

И не даромъ

Зеркальце

Предъ свѣчею

Тускнуло.

Не видать мнѣ

Болѣе

Ни роднаго

Батюшки,

Ни драгаго

Витязя;

Тосковать мнѣ

Дѣвицѣ

Въ безотрадной

Долюшкѣ.

(Три дѣвушки приносятъ Людмилѣ зеркало и уборы; входя, низко ей кланяются. Одна изъ нихъ заплетаетъ ей косу и убираетъ, другія надѣваютъ ей богатый сарафанъ и обувь, также повязку, ожережье и пр. Людмила, печальная и задумчивая, не противится имъ, какъ будто ихъ не замѣчая. Незримыя армы играютъ).

Хоръ невидимыхъ духовъ.

Не сѣтуй милая княжна!

Развесели твой взоръ прекрасный;

И этотъ замокъ и страна

И властелинъ тебѣ подвластны.

Одна дѣвушка.

Расплетайся коса,

Заплетайся коса,

Съ жемчужною нитью сплетися.

Другая дѣвушка.

Голубой сарафанъ,

Обнимай милый станъ,

На перся дѣвичей сомнися!

Хоръ.

Не сѣтуй, младая княжна,

Что помнить съ печалью былое?

Яснѣ здѣсь солнце златое,

Томнѣ здѣсь въ ночи луна;

Незримые дивы летая,

Съ ревнивымъ вниманьемъ любви,

Съ заботою, дѣва младая,
Здѣсь дни охраняють твои.

Одна дѣвушка.

Въ ночи надъ тобою
Въ пріютъ тишины,
Слетятся толпою
Роскошные сны.

Другая дѣвушка.

И день безъ отравы,
Безъ горя взойдетъ;
Вновь игры, забавы
Съ собою приведетъ.

Третья дѣвушка.

Жемчугъ и каменя
Вокругъ заблестятъ;
Волшебныя пѣнья
Твой слухъ усладятъ.

Хоръ. (Стихи Пушкина).

Увы! ни камни ожерелья,
Ни сарафанъ, ни перловъ рядъ,
Ни пѣсни лести и веселья
Ея души не веселятъ.
Напрасно зеркало рисуетъ
Ея красы, ея нарядъ;
Потупя неподвижный взглядъ,
Княжна прекрасная тоскуетъ.

Людмила.

Идите.

(Дѣвушки низко кланяются, уходятъ. Людмила невольнo увлекается преде-
стями волшебнаго сада и замка).

О! какъ здѣсь прекрасно!

Какія деревья! Какой аромат!

Какъ духи поють сладкогласно!

Какъ весело воды шумятъ!

Взгляну я на замокъ чудесный... (оглядывается).

Здѣсь кажется вѣтъ никого... (подходить къ дверямъ и прислушивается).

О! еслибъ мой хищникъ безвѣстный,

Оставилъ на вѣки его!...

(Дверь отворяется съ музыкой, Людмила поспѣшно удаляется отъ замка).

Незримою силой

Слѣдятъ онъ меня. (Плачетъ).

О, витязь мой милый,

Жду гибели я! (съ рѣшимостью).

Нѣтъ! я надежды злодѣя разрушу:

Людмила живой неузритъ чародѣй;

Тебѣ, о мой милый, и сердце и душу
Храню я до близкой кончины моей.

(Стихи Пушкина).

Вдали отъ милаго, въ неволѣ
Зачѣмъ мнѣ жить на свѣтѣ болѣ?

(Горько плачешь, возводишь взоры на небо; вдругъ прижавъ персть къ устамъ, оживаетъ ужаснымъ умысломъ, вбѣгаетъ на скалы, на которыхъ виситъ мостикъ надъ потокомъ, и рыдая, ударяетъ себя въ грудь).

Прости на вѣкъ несчастный другъ! (глядитъ на воды съ возрастающимъ вниманіемъ и раздается).

Какія рыбки золотыя! (Поспѣшно сбрасываетъ въ потоку).

Какъ веселѣ ихъ безпечный кругъ;
Какъ блестятъ глазки ихъ живые;
Чешуйка въ радужныхъ цвѣтахъ,
И чистый яхонтъ на крылахъ.

Незримый хоръ.

Покорись судьбѣ вельнѣямъ,
О прекрасная княжна!
Все здѣсь манитъ къ наслажденьямъ
Жизнь здѣсь радостей полна.

Людмила (опомнися).

Безъ тебя, о другъ мой милый,
Нѣтъ блаженства для Людмилы!

(Садится пригорюная, надъ нею раскидывается богатый шатеръ, является столъ покрытый яствами, незримы аромъ играютъ. Людмила удивленная вбѣгаетъ изъ шатра).

(Стихи Пушкина).

О ты, чья гибельная страсть
Меня терзаетъ и лелѣетъ,
Мнѣ не страшна злодѣя власть
Людмила умереть умѣетъ!
Не нужно мнѣ твоихъ шатровъ,
Ни скучныхъ пѣсень, ни пировъ,
Не стану ѣсть, не стану слушать,
Умру среди твоихъ садовъ.

(Пышность трапезы, разнообразіе и красота плодовъ заманиваютъ взоръ Людмилы. Посмотрѣвъ искоса на столъ и вокругъ, она по немногу приближается и кушаетъ. Двери замка отворяются съ музыкою; длинный строй араповъ съ обнаженными саблями предшествуетъ Черномору, котораго длинную бороду они несутъ на подушкахъ. За ними идутъ дѣвы, духи, карлы; шествіе заключается вооруженными арапами. По обѣ стороны авансены ставятъ богатые кресла, одно для Черномора, другое для Людмилы, которая въ страхѣ даетъ себя вести дѣвамъ ее окружившимъ).

Танцы.

Сраженіе.

(Раздается звукъ рога. Черноморъ въ смятеніи вскакиваетъ съ мѣста, обнажаетъ мечъ, приближается къ испуганной Людмилѣ, которую волшебнымъ ма-

новением погружаетъ въ сонъ и выбѣгаетъ съ арапами. Дѣвы Черноморова замка поднимаютъ Людмилу и кладутъ ее на дернъ подъ деревомъ на срединѣ сцены).

Хоръ духовъ.

Погибнетъ, погибнетъ
Незванный пришлецъ:
Предъ вѣрной твердыней
Волшебнаго замка
Не мало погибло
Богатырей.

(Русланъ вбѣгаетъ побѣдителемъ, отсѣченная имъ въ битвѣ борода Черномора обвита вокругъ его плеча. За Русланомъ входятъ Ратмиръ и Горислава).

Русланъ.

Побѣда! Побѣда! Людмила! (Увидя ее спящую, старается пробудить ее).
Людмила, что значить твой сонъ?
Людмила, я здѣсь; нашъ злодѣй побѣжденъ,
И чары любовь сокрушила.

Ратмиръ и Горислава.

Волшебный сквалъ ее сонъ:
Ахъ тщетно злодѣй побѣжденъ —
Не гибнетъ враждебная сила!

Русланъ.

О жизни отрада, младая супруга,
Ужель ты не слышишь стenanія друга? (трогаетъ ее и обращаясь
къ Ратмиру).
Но сердце ея трепещетъ и бьется,
Улыбка порхаешь на мнѣхъ устахъ....

Горислава.

Спокойся, Людмила проснется.

Русланъ.

Невѣдомый страхъ
Мнѣ душу терзаетъ:
О другъ, кто знаетъ
Ко мнѣ-ли улыбка летитъ,
И сердце по мнѣ-ли дрожитъ?

Ратмиръ.

Кипучая ревность его возмущаетъ.

Горислава.

Кто любить, тотъ ревность невольню питаетъ.

Хоръ.

Свирѣпая ревность его возмущаетъ,
За бороду карла Перунъ отомщаетъ.

Русланъ.

О небо, можетъ быть она
Моей надеждѣ измѣнила!

Могла-ль несчастная Людмила
Разрушить ковы колдуна?

(Береть за руку Людмилу и съ отчаяніемъ потрясаетъ ее).

Людмила!

Дай сердцу отвѣтъ,
Сказать ли мнѣ горько.
Блаженству прости!

Ратмиръ и Горислава.

Невинность младенца
Играетъ румянцемъ
На алыхъ щекахъ;
Цвѣтъ снѣжной лилеи
Торжественно блещетъ
На юномъ челѣ.

Руслякъ.

Скорѣ, скорѣ въ отчизну,
Кудесниковъ сильныхъ сзовемъ,
И къ радости вновь оживемъ,
Иль справимъ печальную тризну.

Ратмиръ и Горислава.

Скорѣ, скорѣ на полдень поидемъ,
И тамъ на Днѣпрѣ, тамъ на кievскомъ брегѣ,
Кудесниковъ сильныхъ сберемъ,
И къ жизни княжну воззовемъ,
Къ блаженству и къ сладостной нѣгѣ.
(Между тѣмъ арапы приносятъ балдахинъ; женщины
глядутъ Людмилу).

Хоръ араповъ.

Витязь сильный,
Витязь славный,
Да свершится нашъ удѣлъ:
Мы готовы въ путь съ тобою,
Съ усипленною княжною,
Въ дальній, чуждый намъ предѣлъ.

Хоръ женщинъ.

Опустѣютъ наши сѣни,
Арфа духовъ замолчить,
И пріютъ любви и лѣни
Скоро время разорить;
Замокъ нашъ чудесный,
Не найдутъ теперь,
Ни вольныя птицы,
Ни голодный звѣрь.

Конецъ 4-го акта.

— (—
— (—
— (— (—
— (—

В
с
т
а
н
н
н
н
н
н
н